

К 63.3(2)
А98

Серия «Орловская старина»

Елена Ашихмина

*И прошлого
мы слышим
голоса...*

А257779

КАЛЕНДАРЬ
2009

КР-2017

Издатель Александр Воробьев
Орел
2008

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. И.А. Бунина

В гостях у Н.В. Киреевского

В самом-самом конце XVIII века в обычном дворянском доме жила в Шаблыкино молодая пара – Елизавета и Василий Киреевские. Владели они огромной усадьбой, расположенной в преддверии дремучего Брянского леса, жили уединенно, потихоньку вели хозяйство. Летом барыня смотрела со своей веранды, как девки под руководством экономки варят в медных тазах малиновое да земляничное варенье, слушала, как поют они песни. Василий уезжал охотиться в лесную глушь. Привозил рябчиков и зайцев. Зимой устраивали катанье в легких санках, грелись потом у изразцовой печки, пили наливочку, угощались соленым грибочком.

И все бы ничего. А счастья не было.

Не было в доме радости. Потому что не было детей.

Елизавета Федоровна Киреевская (урожденная Стремоухова) ездила молиться о наследнике в довольно далекое от Шаблыкино село Лески. Между тем, в Шаблыкино была своя церковь, Георгиевская. Рядом имелись и другие церкви. Однако, что-то связывало семейство Киреевских с храмом в Лесках. Как установила известный литературовед Р.М. Алексина, Елизавета Киреевская делала в него постоянные вклады. Пока что доподлинно неизвестно, что было тому причиной.

И знаете, кто в это время служил в церкви во имя иконы Казанской Божией Матери в Лесках? – Дед великого писателя Н.С. Лескова отец Дмитрий! «Мой дед, священник Дмитрий Лесков, и его отец, дед и прадед, все были священниками в селе Лесках, которое находится в Карачевском или Трубчевском уезде Орловской губернии, – писал Николай Семенович. – От этого села «Лески» и вышла наша родовая фамилия – Лесковы». Отсюда, из Лесков, отец писателя Семен Дмитриевич, не пожелавший становиться священником, «бежал в Орел с сорока копейками меди, которые подала ему его покойная мать». Умный, горячо верующий, умеющий зажечь неугасимый пламень веры в других, отец Дмитрий, должно быть, поддерживал и в Елизавете Киреевской уверенность в дивной силе искренней молитвы к Богородице о ниспослании ей младенца.

И чудо произошло. Раба Божия Елизавета вымолила себе сына Николая, рожденного ею в 1799 году. Церкви в Лесках владелица Шаблыкино тогда же подарила ценную икону Пресвятой Богородицы в ризах и с серебряными венцами, с короной и жемчужным ожерельем за 2000 рублей. (Данные об этом вкладе были разысканы Р.М. Алексиной). В 1800 году Елизавета Федоровна скончалась.

В начале XIX века гвардии ротмистр Николай Киреевский получает в наследство от матери усадьбу в Шаблыкино. В 1821 году он решает в ней поселиться. С этих пор на несколько десятилетий Шаблыкино становится одним из центров культурной жизни Орловской губернии и ее «охотничьей» столицей. Эстет, интеллектуал и страстный охотник, Киреевский полностью перестраивает усадьбу и создает в ней превосходный, во многом уникальный дворцово-парковый комплекс.

Его основу составлял регулярный парк, внутри которого располагались два огромных пруда, занимающих 40 % его территории. Слово регулярный означает, что парк был тщательно распланирован. Из окон двухэтажного, с бельведером дома, выстроенного на самом высоком месте усадьбы, открывался невероятный по красоте вид на парковый ансамбль и гладь прудов. По оси комплексной постройки был развернут луговой партер с двумя фонтанами. К берегу пруда шел широкий пандус, обрамленный деревьями. Около дома находились флигели-оранжереи. Рощицы, лужайки и аллеи с островками посреди прудов составляли единую природно-ландшафтную зону. Искусственные каналы и протоки живописно соединяли острова с берегом. В кленах, липах, серебристых тополях, вязах и лиственницах парка скрывались неожиданные для посетителя беседки, памятники и фонтаны. Действовала сложная гидротехническая система, позволяющая поддерживать водный баланс с помощью плотин, каналов и водостоков.

Эффектные фонтаны в Шаблыкинском имении поражали воображение. Великолепный фонтан перед главным домом именовался «Ананасная планета». На понижении рельефа вздымалась струя фонтана «Леда». Вода в нем поднималась на высоту трехэтажного дома. На одном из островов действовал стильно оформленный «Римский» фонтан. Возмущая зеркало прудов, остальные фонтаны поднимали свои струи прямо из воды. Островки соединялись 3 чугунными, оригинальной формы мостами.

В парке Киреевского имелось 5 каменных, 7 деревянных и 10 дощатых беседок, среди которых выделялись Византийская,

Н.В. Киреевский

Китайская, Турецкая, Шведская, Швейцарская. Главная аллея была украшена статуями. 110 видов деревьев, газоны и клумбы с редкими цветами создавали настоящее природное великолепие. Современники называли Шаблыкино «восточным заколдованным городом». По их воспоминаниям «Сад был прохладный, дремучий, разбитый на сорока десятинах; были аллеи, где не было видно голубого неба – все зелень и тень».

Николай Васильевич был не просто гостеприимным хозяином. Он искренне любил гостей и приглашал их к себе в огромном количестве. Один из домов был предназначен под гостиницу,

размеры которой позволяли вмещать сотни приезжих, живших в Шаблыкино неделями. Если не хотелось, гости могли и не показываться Киреевскому на глаза. Так часто и делали небогатые дворяне, с удовольствием проводившие здесь время в Шаблыкино. Некоторое время жили в имении, стесняясь представиться хозяину.

Но были гости особые. Их ждали, бесед с ними жаждали. Их приезд всегда был для хозяина настоящим праздником. Среди таких гостей мы назовем известного художника XIX века Р.К. Жуковского, а также И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и И.С. Аксакова. Последние трое были не только интеллектуалами и известными всей России писателями. Они, как и Киреевский, были увлечены охотой. Лев Толстой слышал имя Киреевского с детства: его отец служил в одном с Николаем Васильевичем кавалергардском полку и часто ездил на охоту в Шаблыкино. «События в детской деревенской жизни были следующие: поездки отца к Киреевскому и в отъездное поле, рассказы об охотничьих похождениях, к которым мы, дети, прислушивались как к важным событиям», – вспоминал впоследствии Толстой. Познакомившись с Киреевским в 1851 году, писатель не раз потом бывал в Шаблыкино. В конце июля 1865 года, работая над эпопе-

ей «Война и мир», он специально навестил старого охотника, чтобы послушать этого необыкновенного рассказчика и увидеть жизнь поместья старинного уклада.

Во времена Киреевского усадьба просыпалась рано: хозяин и его гости – местные помещики, а с ними Тургенев, или Аксаков, или Толстой – отправлялись на псовую охоту. Эти, как они в шутку называли себя, собачьи, составляли обыкновенную свиту хозяина. Стая гончих, числом более двухсот, отправлялась с выжлятьниками (так именовались наемные псовые охотники) в «отъездные поля», на травлю волков и зайцев. Выезд Киреевского растягивался чуть ли не на версту, так много было приглашенных. Охотники одевались в красные куртки и синие шаровары с желтыми лампасами; на красной тесьме с кистями у них висели охотничьи рога, в которые при необходимости они с удовольствием трубили. На болотную дичь Киреевский «отъезжал с немалым парадом, один обоз состоял не менее чем из сорока телег», пишет член Орловской ученой архивной комиссии А.К. Юрасовский. «Правду сказать, – писал Толстой из Шаблыкино супруге, – мне здесь дорожке охоты этот охотничий мир и стариковский. Я не жалуюсь, что поехал, и не нарадуюсь». А в письме к А.А. Фету Лев Николаевич пишет о Киреевском: «Изустно расскажу Вам, что это за прелесть, – он сам и весь этот мир, который уже перешел в предания, а там действительность». В «Войне и мире» Киреевский выведен в образе дядюшки «чистое дело марш».

Николай Васильевич стал прототипом и одного из героев Тургенева. Еще в XIX веке существовало мнение, что Александр Михайлыч Г., «богатый помещик и охотник», выведенный Тургеневым в рассказе «Гамлет Щигровского уезда», это и есть Николай Васильевич. Герой рассказа Тургенева Александр Михайлыч также, как и шаблыкинский барин, «жил на большую ногу, увеличил и отдал дедовские хоромы великолепно, выписывал ежегодно из Москвы тысяч на пятнадцать вина и вообще пользовался величайшим уважением».

Об обедах Киреевского говорила вся губерния. Их отголоски слышны и в тургеневском «Гамлете...»: «дворецкий подал рыбу в полтора аршина длины и с букетом в орту», «слуги в ливреях, суровые на вид, угрюмо приставали к каждому дворянину то с малагой, то с дрей-малагой и ... дворяне, особенно пожилые, словно нехотя, покоряясь чувству долга, выпивали рюмку за рюмкой». И хочется воскликнуть: на их месте так поступил бы каждый! – Малага считалась в высшей степени тонким и дорогим испанским вином ликер-

ного типа. Дома без веских оснований далеко не каждый дворянин позволял себе выпить лишнюю рюмку малаги. А у Киреевского в его Шаблыкино это было просто-напросто «пей-не хочу». Малага имела несколько разновидностей – сладкая, сухая (та самая «дрей» или «драй»), белая и бурая. Напиток имел цвет темного янтаря, а если вино постояло, то приобретало золотисто-красный оттенок. Различное по хрустальным рюмкам, расцвеченное солнечными лучами или огоньками свечей, оно доставляло еще и эстетическое наслаждение.

Гостям Киреевского предоставлялись многочисленные экипажи для прогулок – линейки, шарабаны, тройки. У каждого вида экипажа было свое предназначение. На тройке вы могли почувствовать вольную радость от быстрой езды. Если вы выбрали тройку, вам пригодился бы шарабан. Этот экипаж был легким, высоким, открытым, четырехколесным. Двухколесный шарабан назывался одноколкой. Тут вы могли обойтись и одной лошадью. Вообще-то на таких шарабанах ездили в основном по полям и по делам, а если в гости, то только к родным и только в будние дни. Для гостей Киреевского этот экипаж был как раз то, что надо! Линейка была просто длинной, обшитой кожей доской, скрепленной с двумя осями. На нее клался матрас, и ездоки – человек восемь, садились спинами друг к другу. Еще один мог усесться рядом с кучером на козлах. Ноги ставились на ступеньки. На линейке ездили только в лес – по грибы, по ягоды и на пикник. По летнему времени никакие экипажи в Шаблыкино не стояли «на приколе».

На прудах гостей ждали гондолы с гребцами, лодки, шлюпки и водные лыжи – это были такие маленькие лодочки, которые крепились к ногам. Уверившись, что крепления надежны и удобны, вам помогали спуститься на воду и вручали непременно шест. В таком варианте вы могли в буквальном смысле слова ходить по воде, отталкиваясь шестом. Современники вспоминают, что вид у «водных» лыжников всегда был вполне ошалелый, но совершенно счастливый. Падать в воду, конечно, падали, а не надо было пить столько малаги. Однако никто не тонул – лыжники бродили только там, где можно было шестом достать недалекое дно. Да и слуги тут же подхватывались вытаскивать из воды вовсе неогорченного своим падением «спортсмена».

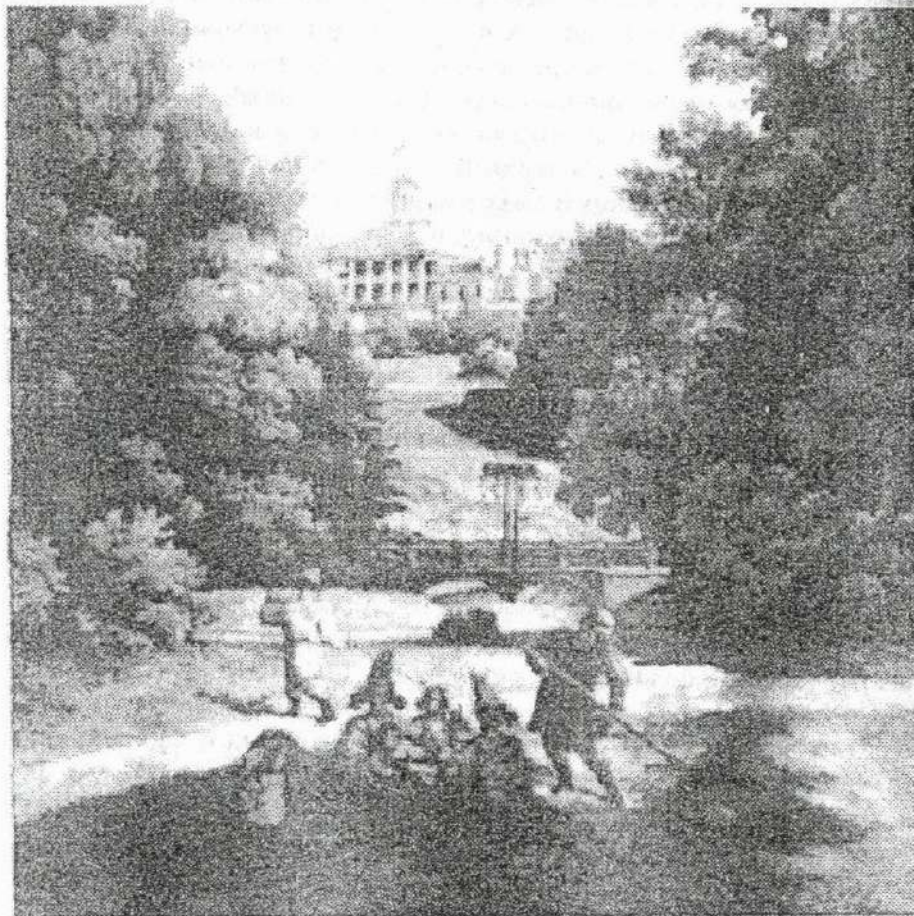
Гости с удовольствием гуляли по парку, восхищались маленькими «храмиками», поставленными во имя Любви, Дружбы, Истины и Терпения; дивились великолепию беседок, спрятанных в кущах.

Дворяне забыть не могли, что одна из них, например, была построена над прахом любимого кобеля хозяина – Любезного. Другая, выстроенная из железа и искусно окрашенная в цвет кашемировой шали, была возведена в честь «ахалцихского дела», когда русская армия штурмом взяла турецкую крепость Ахалцих и сумела удержать ее несмотря на отчаянные попытки Ахмет-бека аджарского вернуть ее обратно (1828–1829).

Женщины Киреевский не выносил, въезд им в Шаблыкино был запрещен. Сейчас покажется удивительным, сколько в те времена было холостяков. В отличие от преподавателей гимназий, чей оклад часто просто не позволял им обзавестись семьей, которую они не смогли бы достойно содержать на свое жалованье, среди помещиков было множество «идейных» противников брака. «Берегись юбок!» – так примерно звучал основной тезис и в орловских уделах, и в великокняжеских семьях (великий князь Дмитрий Константинович, двоюродный дядя Николая II, именно такими словами предупреждал своих родственников от всяких пагубных увлечений, в особенности балеринами). Мы с вами, уважаемые дамы, казались этим джентльменам «сосудами зла» или, как потом говорил писатель Юрий Олеся, «флаконами». Конечно, некоторые из этих анахоретов просто не могли не влюбляться в нас. Нет, ну а как же в нас не влюбиться, в самом-то деле! И ведь намеренно отвернутся на балу и делают вид, что нас не видят, и заняты страшно умной беседой. Но мы то с вами всегда знаем, как кто к нам относится! Веер-то кто первым кинется поднимать? Шубку-то, шубку вашу к выходу кто первый принесет? Ну? Ну?! Да еще ручку попросит поцеловать, которую мы с вами уж меховую муфту запрятали. Перчатку вашу белую тут же утащит и годами будет под подушкой хранить. А как предложение сделать – так и нет его! Расслабиться-то едут совсем к другим дамам. Да что там говорить! – к цыганкам едут, бессовестные, всю ночь с ними под гитару песни орут.

Соседкам Киреевского очень хотелось хоть одним глазком взглянуть на всяческие прелести шаблыкинского дома и парка, но, как шутит тот же Юрасовский, «доступ им в усадьбу, как на Афон» был заказан. С позиций Киреевского только так и надо было поступать. Известны случаи, когда юные жены не то, что на охоту, на службу не отпускали помещиков. Мол, посиди со мной да посиди со мной. Карьеры рушились из-за любви, не то что охота или рыбалка. Киреевский правильно считал, что где-то же нужно мужчине расслабиться, почувствовать всю радость жизни в мужском коллек-

тиве, где можно без оглядки хлопнуть по рюмашке и поговорить всласть об особенных выстрелах и трофеях! Чтобы гостям было еще приятнее, Киреевский начинил охотничьей атрибутикой огромный свой дом, «начиная с решетки до флюгера на крыше». Гости Николая Васильевича, такие же заядлые охотники, как и он сам, любовались здесь милыми их сердцу картинами, изображавшими псовую охоту, коврами из звериных шкур, чучелами зверей и медвежьих голов. Мебель из оленьих и лосиных рогов, голов кабанов, лошадиных ног только добавляла охотникам свою долю удовольствия.

Усадебный дом в Шаблыкино.
С литографии Р.К. Жуковского.

Что, а разве женщины оценили бы всю прелесть такой мебели-рюмки? Да нечего им было делать в Шаблыкино, ну, честное слово! Единственным исключением из строгого правила являлась ... Варвара Петровна Тургенева, мать Ивана Сергеевича – она была заядлой охотницей, метко стреляла, понимала в этом деле толк и потому вызывала у Киреевского чувство неизменного уважения.

Однако охота братьев наших меньших на себе подобных решительно пресекалась хозяином имения и, более того, безжалостно каралась им. В назидание разного рода хищникам одна из парковых беседок представляла собой особый вид надгробного мавзолея. Там помещались казненные за жестокие убийства. По черным стенам беседки, где под потолком висело огромное чучело совы с распростертыми крыльями и разинутым клювом, были прибиты головы и крылья филинов, орлов, колчигов, коршунов, ворон, обведенные каймой из мышей, крыс, хорьков и ласок. Сошлемся на Юрасовского, который утверждал, что хищники «были прибиты к стене в виде узоров и составляли звезды, треугольники, розетки». В простенках висели головы кошек с укрепленными под ними крест на крест лапками. Их сопровождали надписи, «когда и за какое преступление виновная лишена жизни». Например: «Приговорена к смерти за покушение на жизнь голубя» или «Лишена жизни за убийство воробья». В другой комнате этой же беседки золочеными буквами изображались цитаты из стихов любимых поэтов Киреевского. Слова писались на стенах буквами из отлично отполированных и вызолоченных мышиных и крысиных хвостов. Крыс довольно коварно и цинично ловил старик-венгерец, выманивая их из нор кусочками сала и пронзая грызунов любого размера стальным острием вроде долота, укрепленного на его каблуке. Затем уже другие умельцы производили над добытыми хвостами разного рода работы, включая золочение. Стихи в столь оригинальном изображении производили особенно сильное впечатление на охотников.

Тем не менее, состояние Н.В. Киреевского тратилось вовсе не только на дорогостоящий досуг. Нередко он передавал серьезные денежные суммы на нужды Орловской гимназии. В Государственном архиве Орловской области имеется немало сведений о том, как Николай Васильевич выделял деньги на оплату учения кого-либо из неизвестных ему гимназистов (например, 4500 руб. в 1851 году); 16000 рублей были отданы им на расширение гимназического здания (1861), неоднократно крупные суммы вносились на поддержку

неимущих учащихся, Киреевским финансировались различные городские проекты, проч. Однажды в архиве мне попало письмо пожилого дворянина (не удалось прочесть его фамилию), который извинялся перед Киреевским за то, что не смог отвезти деньги в гимназию тотчас же по приезде в Орел. Отправитель письма сетует, что в дальней дороге его настиг жуткий снегопад, он чудом доехал, сильно замерз и потому не смог сразу же посетить гимназию, но на днях сделает это непременно.

Немалая часть расходов Киреевского была связана с церковью: во имя иконы Казанской Божьей Матери в Лесках, которую так любила его мать. Несмотря на то, что владельцами Лесков считались помещики Сафоновы, Николай Васильевич внимательно следил за строительством, отделкой и украшением каменного храма в селе и постоянно помогал материальными средствами. А ведь возведение церковного строения и его оснащение всегда считалось делом далеко недешевым! В историю лесковского храма Киреевский вошел как «строитель церкви».

По смерти Киреевского в 1870 году Шаблыкино перешло к его родственнику Сергею Владимировичу Блохину, орловскому общественному деятелю. В условиях отсутствия должного внимания Шаблыкинский комплекс медленно, но неуклонно начал приходить в упадок. Годы, революции и войны довершили намечавшееся разорение. Запустение царит ныне вокруг. Остатки бывшего ландшафтного чуда в настоящее время примыкают к современному районному центру. Еще различимы опустевшие русла каналов и углубления прудов. Еще поднимаются вверх кроны вековых кленов, вязов, дубов и лиственниц. Старый парк ждет своих новых «Киреевских». Только дождется ли?

Так где же гулял Ванечка Тургенев?

В городе Орле Иван Сергеевич Тургенев провел первые три года жизни. Поэтому нам безразличен любой, даже маленький факт истории его орловских дней. По воспоминаниям, переданным Н.С. Лесковым, Варвара Петровна Тургенева посылала няню с ребенком гулять в городской сад: «Она облюбовала место сидеть в публичном саду на последней дорожке над самой Окой». Лесков назвал это место «Тургеневским бережком». Название прижилось, пусть оно не потеряется. И мы не ищем причин отнять славу Тургеневского бережка, а всего лишь хотим уточнить некоторые моменты, связанные с ранним детством Ивана Тургенева в родном ему городе.

Начнем с того, что знают все литературоведы и историки: в новый, насаженный по распоряжению губернатора Н.И. Шредера 1 мая 1823 года городской сад, мальчика 1818 года рождения ни возить, ни водить не могли: в момент основания парка Ване Тургеневу было почти 5 лет и жил он в Спасском-Лутовиново. Лесков, много моложе Тургенева, даже в свои гимназические годы, видел в Орле уже разросшийся городской парк с двадцатилетними деревьями; в городе это было, как любят сейчас говорить, «культовое место». О точном возрасте парка у писателя могло и не иметься подробных сведений. Он вообще не обязан был заниматься скрупулезным подсчетом возраста древесных насаждений, передавая нам столь поэтичные воспоминания орловских старожилов о Тургеневе, помнивших его еще ребенком.

Мы знаем также, что информации Лескова, как правило, можно доверять, и значит, воспоминания о парке и няньке имели место.

Так куда же Варвара Петровна посылала няньку гулять со своим маленьким сыном? Где был тот самый сад, и где вообще в первой трети XIX века гуляли с юными барчуками в Орле их крепостные няньки, гувернеры и гувернантки? Пунктирно мы уже обозначали это место (См. «Орловский вестник» от 7 декабря 2005, № 38). Но, вероятно, есть смысл поговорить об этом подробнее.